

В. В. Кондрашин, О. А. Сухова

Формирование «советской модерности» и региональная элита в 1960–1970-е гг.

Кондрашин

Виктор Викторович

д-р ист. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); гл. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

Сухова

Ольга Александровна

д-р ист. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015 «Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности», <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

Одной из актуальных проблем современной историографии выступает изучение концепта «советская модерность», позволяющего определить место и роль социалистического эксперимента в истории российской цивилизации и тем самым избежать сползания в ловушку «безвременья», констатации тупика исторического развития¹. Поиск признаков модерн-сознания в советском обществе разворачивается в 1990-х — начале 2000-х гг. на волне первых попыток осмысления сути происходивших изменений. И все же в условиях падения коммунизма доминировала всепоглощающая теория тоталитаризма, исключавшая возможность советского варианта модернизации. Формирование советской элиты в этом ключе оценивалось как консолидация сторонников традиционализма². Сообразно с критериями модерности (индустриализация, рационализация, автономность подсистем, секуляризация, рыночная экономика и универсализация прав граждан) Лючано Пелликани подчеркивает не освоение, а противостояние коммунизма ценностям и институтам цивилизации модерна³. Стивен Коллер, напротив, предпринимает смелую попытку примирения неолиберализма и советской модерности, характеризуя урбанистическую инфраструктуру, рожденную в рамках советской модели «городского хозяйства» и сохранившую удивительную прочность институциональных связей после краха плановой экономики⁴.

И хотя с тех пор критика самой теории модернизации обрела значительное число сторонников и привела к закреплению в историографии «множественного» под-

хода, предоставляющего неограниченные возможности для локализации ее вариантов, полярность оценок сохраняется и поныне. Примером тому служит дискуссия, развернувшаяся в 2016 г. на страницах «Нового литературного обозрения» с подачи Майкла Дэвида-Фокса, выступившего с аналитической статьей о модерности в России и СССР⁵. Отдельными гранями развернувшихся споров стали вопросы о противопоставлении модерности и неотрадиционализма, о возможности и допустимости объединения модернизации и традиции, о многоплановости модерности, ее инаковости, выходе за рамки либеральной, западной модели⁶. Общая направленность научных поисков уверенно демонстрирует необходимость изучения фактического воплощения культуры модерности в политических практиках и «воображаемых репрезентаций, культурных конструктов, идеологических и политических устремлений»⁷. При этом концептуальное противоречие, возникающее при переходе от «модернизации» к «модерности»⁸, снимается посредством обращения к параметрам массовой технологической культуры, соответствующим индустриальной эпохе.

В 1990-х гг. с подачи М. С. Восленского за носителями устремлений индустриализма, «пионерами» и «подвижниками» модерности — советской элитой в отечественной историографии прочно закрепилось понятие «номенклатура»⁹. Одним из наиболее последовательных сторонников институционального прочтения номенклатуры является В. П. Мохов¹⁰. По словам исследователя, в условиях редистрибутивной экономики номенклатура определяла собой исключительный механизм форсированного индустриального развития¹¹. Научная реабилитация термина выступает залогом существенного приращения научного знания в деле разработки концепции советской элиты в контексте новой социальной истории, новой культурной истории, истории повседневности. Тем более что основой номенклатурной повседневности рассматривается повседневность политическая, «хабитуализированные политические практики»¹², а следовательно, именно здесь и разворачивались основные бои за модерность.

Реформирование системы управления в СССР в конце 1950-х — 1960-х гг. и передача части полномочий на места предопределили оформление функционально нового субъекта модернизационных процессов — региональной элиты¹³. Применительно к этой эпохе можно с уверенностью говорить не только о развитии «номенклатурного иммунитета»¹⁴, но, в общем контексте вызовов модернизации, и о начальной стадии «номенклатурной революции» не только в направлении демократизации управления, но, что не менее значимо, усвоения региональной элитой ценностных установок индустриальной эпохи.

Разделяем утверждение В. П. Мохова об автономности действий номенклатуры как инструмента, компенсировавшего отсутствие рыночной активности в управленческих практиках при реализации общегосударственных задач¹⁵. Вместе с тем следует отметить, что укрепление административного иммунитета свидетельствует скорее об утверждении модерн-сознания, освоении установок и технологической культуры индустриализма, другими словами, об эмансипации региональной элиты¹⁶.

Основополагающее значение в этой связи имеет проблема рекрутирования советской политической элиты. Так, Г. А. Абрамов, обобщив результаты

предшественников и проанализировав стратегии продвижения по службе высокопоставленных партийных руководителей в 1950–1970-х гг., приходит к выводу о значительном и неуклонном увеличении в аппарате ЦК КПСС доли специалистов, ориентированных на промышленное производство. При этом карьера специалиста — партийного работника начиналась, как правило, на уровне районных, городских и региональных партийных организаций, как наиболее близких к управленческому функционалу в технологической сфере¹⁷. Обратной стороной проблемы выступает изучение соответствия (адекватности) ценностей и установок местных элит как ключевых акторов задачам модернизации, так как институциональные структуры и коллективная ментальность объективно выступают факторами воспроизводства традиционалистских установок (лояльностей)¹⁸.

Для анализа специфики рекрутинга, социального состава, ментальных установок и поведенческих стратегий региональной элиты в 1960–1970-е гг. в Государственном архиве Пензенской области было выявлено и систематизировано 116 личных дел партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников, занимавших главные номенклатурные должности в регионе в период с 1944 по 1971 г., изучены материалы особого сектора областного комитета КПСС, делопроизводственная документация совета народного хозяйства Пензенского экономического административного района и областного исполнительного комитета, источники личного происхождения¹⁹.

Выбор хронологических рамок обусловлен периферийностью положения Пензенской области в общем потоке становления индустриального комплекса СССР, а следовательно, сохранением инертности в деле усвоения ценностей модернизма и стабильностью воспроизводства традиционного культурного кода. Решающим фактором технологической и социокультурной трансформации в этой связи следует рассматривать эвакуацию населения, предприятий и организаций в годы Великой Отечественной войны. В общей сложности в этот период здесь было размещено 65 промышленных предприятий, индустриальный институт; только за вторую половину 1941 г. в регион прибыло свыше 124 тысяч эвакуированных и беженцев²⁰. Временем завершения формирования индустриальной базы машиностроения и ВПК на территории области следует рассматривать 1950-е гг. В это время вступили в строй Пензенский и Грабовский компрессорные заводы, Пензтекстильмаш, Счетмаш, Химмаш, Сердобский часовой, Пензенский дизельный, второй арматурный заводы, крупнейшее в регионе предприятие ВПК — приборный завод № 1134 (п/я 46; позднее — ПО «Старт»)²¹. К концу 1950-х гг. в Пензе прослеживается деятельность 87 промышленных предприятий, трех научно-исследовательских институтов, объем валовой продукции промышленных предприятий региона в 3,5 раза превышал уровень 1940 г. и в 28,2 раза 1913 г.²²

1960–1970-е гг. стали для региона временем социокультурной трансформации, институционального оформления новой идентичности, построенной на ценностной основе индустриального развития, временем, оставшимся в народной памяти как «эпоха Ермина». Эта эпоха началась 14 августа 1961 г., когда пленум Пензенского обкома КПСС избирает первым секретарем уроженца

Ростовской области Л. Б. Ермина. Новое назначение для инструктора отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР последовало всего спустя три года после очередного кадрового перемещения. Лев Борисович Ермин (1923 г. р.; получил квалификацию «ученый-агроном» в сельскохозяйственном институте ст. Персиановки Ростовской области) начал свою трудовую деятельность в 1952 г. в должности старшего агронома Веселовской МТС, но уже в этом году он становится секретарем, а в 1953 г. — первым секретарем Веселовского, а затем Раздорского райкомов КПСС в Ростовской области. В 1959 г. он был рекрутирован в партийные структуры республиканского уровня. Член КПСС с 1943 г., участник Великой Отечественной войны, Л. Б. Ермин был награжден орденом Славы III степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Праги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»²³

Примечательно, что в Пензе Ермин появился за три месяца до своего назначения: решение пленума обкома 6 мая 1961 г. об избрании Ермина вторым секретарем и членом бюро обкома КПСС подписал его предшественник, С. М. Бутузов²⁴, отправленный вскоре в отставку «как не обеспечивший руководство сельским хозяйством»²⁵. Таким образом, Л. Б. Ермин был фактически отправлен на прорыв.

Материалы архивных источников, периодическая печать, хронология переносов воссоздают образ региона 1960–1970-х гг. как гигантской строительной площадки, где каждый житель был либо заказчиком, либо созидателем новой жизни. Так, только в 1961 г. только трест «Жилстрой» сдал в эксплуатацию 43 объекта, в том числе жилье общей площадью 50 тыс. кв. м, в 1966 г. — 82 объекта, в том числе три школы, два детских сада²⁶. «Пензенскими Черемушками» в областном центре называли район Западной Поляны, где за 1959–1963 гг. было возведено 36 многоэтажных жилых домов, школа-интернат, детсады, магазины, предприятия бытового обслуживания²⁷. И все же в середине 1960-х гг. со всей очевидностью проявилось несоответствие темпов производственного строительства и введения в эксплуатацию объектов социальной инфраструктуры: «Пенза меняется, но очень медленно. Это пока город кривых и грязных улиц, приземистых домишек, обросших садами и спрятавшихся за гнилыми заборами»²⁸. Результатом обращения местных властей становится принятие СМ РСФСР 6 августа 1965 г. дополнительных «Мероприятий по дальнейшему развитию городского хозяйства городов Пены и Кузнецка Пензенской области в 1966–1970 гг.»²⁹.

Формирование инфраструктуры, обеспечивавшей институциональное развитие центра зрелого урбанизма индустриальной эпохи, было завершено в областном центре в 1970-е гг. Были введены в строй: больница им. Н. А. Семашко, Центральный городской универмаг, на первом этаже которого был предусмотрен продовольственный магазин «типа “Супермаркет”»³⁰, Центральный рынок, Дом быта, Дом политпросвещения; реконструирован железнодорожный вокзал станции Пенза-1, построен учебный корпус пединститута, гостиничный туристический комплекс «Ласточка», кинотеатр «Современник» и многое другое³¹.

К концу 1970-х гг. в области действовало 306 промышленных предприятия, в том числе 254 союзно-республиканского подчинения, 199 строительных и 67 транспортных организаций, 169 колхозов и 256 совхозов, включая опытные хозяйства³². Основным трендом развития сельского хозяйства в регионе становится его последовательная механизация и специализация. Так, в годы IX пятилетки было построено 74 сельскохозяйственных предприятия, в том числе 18 крупных межхозяйственных промышленных комплексов по дорациванию и откорму крупного рогатого скота, столько же — по репродукции и откорму свиней, 4 — по выращиванию нетелей и высокопродуктивных коров, 19 промышленных молочных комплексов³³.

Учитывая доминанты распределительной экономики, ключевым актором происходивших изменений следует назвать советскую партийно-хозяйственную номенклатуру, что задает соответствующие параметры анализа: возраст, уровень образования, фронтовой опыт, национальный состав, наличие подготовленных кадров на местах. Прежде всего, следует отметить, что «команда Ермина» была значительно моложе своих предшественников, работавших в регионе в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. Средний возраст новых управленцев равнялся 37 годам, по сравнению с 57 годами «номенклатуры до Ермина»³⁴. С 1961 г. областью управляли люди в основной массе своей моложе или чуть старше 40 лет (первый секретарь ОК Л. Б. Ермин — 38, второй секретарь ОК Г. В. Мясников — 35, секретари ОК Ю. А. Акимов — 42, Ю. А. Виноградов — 35, В. Ф. Огарев — 37, П. Д. Селиванов — 40, председатели облизполкома В. К. Дорошенко — 33, Н. П. Мальшаков — 37, председатель горисполкома А. Е. Щербаков — 37). Семьдесят процентов управленцев эпохи Ермина родились в 1920-е гг.³⁵ Молодость номенклатурных выдвиженцев позволила им освоить практику управления в органах ВЛКСМ: 44 % руководителей приобрели подобный опыт и были рекрутированы из комсомольских структур. До Ермина лишь 25 % работников аппарата областной партийной организации и советских органов прошли «школу комсомола»³⁶.

Еще одним качественным отличием номенклатуры Ермина является факт преобладания в ней уроженцев Пензенской области: 44 %, по сравнению с 15 % в 1940–1950-е гг., то есть почти в три раза больше. Увеличилась и доля выходцев из служащих и рабочих (соответственно 21 и 30 %, по сравнению с 28 и 15 %).

Самым кардинальным образом изменился образовательный уровень правящей элиты. В окружении руководителей областной партийной организации 1940–1950-х гг. К. А. Морщенина, И. К. Лебедева и С. М. Бутузова только 32 % работников имели высшее образование. В когорте руководителей следующего десятилетия этот показатель достигает уже 86 %. Нельзя не отметить и стремление к повышению своей профессиональной квалификации. Так, решением высшей партийной школы при ЦК КПСС в мае 1968 г. Л. Б. Ермину была присуждена ученая степень кандидата экономических наук³⁷. Постепенно «остепенились» все основные помощники первого секретаря. Например, секретарь ОК по сельскому хозяйству В. Ф. Огарев стал кандидатом сельскохозяйственных наук, секретарь ОК по пропаганде и агитации П. Д. Селиванов — философских,

зав. сектором химического машиностроения, заводделом легкой и пищевой промышленности ОК А. С. Глущенко — экономических, заводделом строительства ОК Д. К. Перминов — технических, заводделами пропаганды и агитации ОК Ю. А. Милехин — философских, И. Д. Троценко — экономических и юридических, заводделом науки и учебных заведений ОК Л. И. Крутова — экономических наук³⁸.

Члены команды Ермина отличались от своих предшественников и такими показателями, как служба в вооруженных силах и участие в Великой Отечественной войне. В аппарате первых секретарей обкома Морщанина, Лебедева и Бутузова 60 % работников не служили в армии и лишь 15 % воевали на фронтах Великой Отечественной войны³⁹.

Среди соратников Л. Б. Ермина — фронтовиков встречаем секретарей ОК КПСС В. Ф. Огарева и П. Д. Селиванова, председателя облисполкома Н. П. Мальшакова, секретаря облисполкома М. Т. Белозубова, зам. заводделом строительства и завсектором учета руководящих кадров ОК В. П. Коронатова, заводделом организационно-партийной работы ОК Ф. М. Куликова, редактора областной партийной газеты «Пензенская правда» В. И. Лысова, председателя Пензенского городского народного контроля А. В. Мартынова, зав. финансово-хозяйственным отделом ОК В. В. Шушканова⁴⁰.

В именной список военнообязанных запаса и в отставке, принимавших участие в Великой Отечественной войне и представленных к награждению нагрудным знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», по Пензенскому обкому КПСС было включено 24 человека, включая первого секретаря областного комитета. Так, капитан Л. Б. Ермин был призван в действующую армию в 1941 г., в 1943 г. вступил в ряды ВКП(б), был награжден двумя орденами и восьмью медалями. Секретарь обкома П. Д. Селиванов имел звание майора, был призван в 1945 г., командовал батареей, был тяжело ранен. Лейтенант В. Ф. Огарев, с 1961 г. секретарь обкома, воевал с 1943 г. был командиром минометного расчета и т. д.⁴¹

Члены команды Ермина, по сравнению с предшественниками, в подавляющей массе своей стали коммунистами в военное лихолетье и в последующее десятилетие, причем половина участников войны вступила в партию на фронте, в том числе Л. Б. Ермин, В. Ф. Огарев, Н. П. Мальшаков, В. П. Коронатов, Ф. М. Куликов, М. Т. Белозубов и другие.

Важнейшими условиями формирования когорты созидателей советской модерности выступили волна массового выдвижения руководящих работников в 1950–1960-е гг. (административная реформа 1957 г., масштабное промышленное строительство, введение в строй объектов соцкультбыта и пр.) и последующая стабильность кадровых назначений. Так, Л. Б. Ермин возглавлял пензенскую партийную организацию с 1961 по 1979 г. до момента его перевода на должность первого заместителя председателя Совета министров РСФСР. Г. В. Мясников занимал должность второго секретаря областного комитета КПСС также с 1961 и по 1986 г.⁴²

Создание сети советов народного хозяйства объяснялось необходимостью перенесения «центра тяжести оперативного руководства промышленностью и строительством на места, ближе к предприятиям и стройкам»⁴³, что

закладывало общий тренд на рост влияния управленцев-технократов и укрепляло степень номенклатурного иммунитета. Регионализация управления прослеживается и в делопроизводственной документации новых органов управления. В частности, специальным директивным указанием заместителя председателя Пензенского совнархоза Л. Л. Тереньева от 3 марта 1960 г. директорам предприятий и руководителям организаций было запрещено «обращаться в правительство по вопросам работы предприятия». Все вопросы, адресованные СМ РСФСР или СМ СССР, необходимо было согласовать в соответствующем управлении и утверждать руководством Совнархоза⁴⁴.

Укрепление номенклатурного иммунитета, сопровождавшееся ростом самостоятельности и активности региональной элиты, напрямую соотносится с неопатримониализмом позднего СССР. Тесные клиентарно-патронажные связи столичных и провинциальных чиновников обеспечивали не только карьерный рост, но и солидарность в деле продвижения интересов региона (формирувавшуюся, как правило, на почве земляческих отношений), обеспечение материальными ресурсами, информационную и политическую поддержку. В советском обществе, как отмечает В. П. Мохов, такое взаимодействие, формирующее иерархию политического влияния, носило персонифицированный характер⁴⁵. В свою очередь, патронаж над региональной элитой служил показателем административной силы высокопоставленных партийных работников в ЦК и органах государственного управления.

Так, многие вопросы «технологического прорыва» в Пензенской области удавалось решать с помощью прежних связей и «московского прошлого» первого секретаря областного комитета Л. Б. Ермина, второго секретаря Г. В. Мясникова и председателя облисполкома В. К. Дорошенко. По словам А. Е. Щербакова, «Авторитет у Льва Борисовича в Москве был огромный. За эти годы было принято три постановления правительства о развитии Пензы. Тогда в нашей стране только Минск и Ереван росли быстрее... Вопрос о практике развития городского хозяйства Пензы где-то в 1982 г. решили заслушать на Президиуме ЦК КПСС. Это был единственный случай за всю его историю»⁴⁶.

Огромную роль в развитии Пензенской области сыграли «бывшие пензяки», оказавшиеся в Москве на руководящих должностях. Именно на них выходили первые лица области при решении наиболее важных вопросов социально-экономического развития региона. В 1960–1970-е гг. в Политбюро работали два представителя партийного и советского руководства Пензенской области. Это бывший секретарь ОК КПСС по пропаганде и агитации К. У. Черненко и бывший председатель облисполкома Ф. Д. Кулаков («коренной, лапотный пензяк из земетчинцев»⁴⁷; по поводу его смерти в 1978 г. Г. В. Мясников напишет: «Области без Ф. Кулакова будет труднее. Как бы то ни было, он прикрывал ее от возможных ударов»⁴⁸). Такое же объяснение причин стремительного роста Пензы встречаем и у А. Е. Щербакова, председателя Пензенского горисполкома в 1965–1984 гг.: «Здесь я бы поставил на первое место объективные причины. К 1965 г., когда я пришел к власти, в Пензе были построены десятки новых заводов. Они росли как грибы. Тут, правда, есть одна тонкость, что ли. Заводы появлялись при участии нашего земляка, министра машиностроения Петра

Ивановича Паршина. Тогда абсолютное большинство предприятий было в его министерстве. А Петр Иванович помогал нам»⁴⁹.

О стратегиях и практиках поведения в заданных рамках клиентарно-патронажных отношений упоминает и Г. В. Мясников, описывая выдвижение Ф. М. Куликова на пост первого секретаря Пензенского областного комитета КПСС: «...сегодняшний анализ действий Льва показал линию его поведения: пристрастился к Черненко... Лев бился за этот именно пост (первого заместителя председателя СМ РСФСР. — Авт.), чтобы иметь влияние на события в Пензе, особенно в сельском хозяйстве области. Он — автор выдвижения Ф. Куликова. При этом руководствовался своекорыстными целями: 1) будет ему лично предан и обязан; 2) не пойдет на обнажение провалов; 3) каждый день будет получать наряд от него. Лев хочет сохранить свое влияние на область...»⁵⁰

В традициях неопатримониализма следует рассматривать и мемориализацию личных заслуг патрона перед регионом. Так, в марте 1985 г. в областном комитете КПСС со страхом ожидали решения о переназначении областного центра: «С Ф. М. Куликовым о переименовании Пензы. Он и сам думал об этом, но что сделаешь, если скоман্দуют? Отдать Кузнецк, Сердобск (вместо Пензы для переименования в память Черненко. — Авт.)... Не надо бы...»⁵¹

Следует отметить, что паттерны модерности в сознании и действиях элиты соответствовали признакам просвещенческой парадигмы, определяющей параметры общества «всеобщего благоденствия»⁵². Степень урбанизма определялась темпами и масштабами промышленного и жилищного строительства, создания специализированных сельскохозяйственных комплексов, развития социальной инфраструктуры («строительство детских учреждений, объектов здравоохранения, культуры и городского благоустройства»⁵³), коммунального хозяйства, газификации, дорожного строительства. Так, в обращении в Совет министров РСФСР в июле 1968 г. заместитель председателя облисполкома А. Власов сообщал, что в области за последние пять лет количество рабочих и служащих увеличилось на 110 тысяч человек. К 1975 г. ожидалось увеличение населения десяти городов Пензенской области на 50–52 тысячи человек. Решение проблемы управления трудовыми ресурсами виделось местным властям в размещении новых промышленных предприятий в городах и рабочих поселках Пензенской области⁵⁴. В целом, по результатам переписи 1959 г., в городах Пензенской области проживало 516 тысяч, или всего 34,2% от общей численности населения в 1508 тысяч человек⁵⁵. Спустя два десятилетия уровень урбанизации региона достигает отметки в 56% (840 тысяч из 1,5 млн населения области)⁵⁶.

Перспективы индустриализма отражены в предложениях обкома КПСС и областного Совета депутатов трудящихся по строительству новых предприятий в Пензенской области в 1971–1975 гг., направленных в Госплан РСФСР в июне 1969 г. В ряду факторов ускорения промышленного строительства были названы: высвобождение трудовых ресурсов вследствие механизации и специализации сельского хозяйства, рост городского населения, наличие в регионе 4 вузов, 9 техникумов, 9 профтехучилищ, выпускающих ежегодно около 1300 инженеров, 2530 техников, 6000 рабочих. В этом отношении

показателен перечень предприятий, что предлагалось возвести в регионе: в г. Пензе — заводы: клавишно-вычислительных машин, радиоаппаратуры, авиационных приборов, научно-исследовательский институт с опытным заводом по разработке и производству вакуумных приборов, фабрика по производству тканей из искусственного волокна; в г. Кузнецке — заводы: стиральных машин и бытовых приборов, тяжелых мотоциклов; в г. Каменке — завод светотехнических изделий; в р. п. Земетчино — завод светокопировального оборудования; р. п. Чаадаевка — мебельный комбинат; арматурные заводы — в рабочих поселках Лунино, Земетчино, Пачелма, Мокшан. В целях более полного удовлетворения потребностей населения в продуктах питания предлагалось возвести мясокомбинаты в Земетчино и Каменке, комбинат деликатесных консервов в Пензе, завод сгущенного молока в Каменке, молочные комбинаты в Пензе и Кузнецке, молочные заводы в Неверкино, Беднодемьяновске, Пачелме, Лунино, маслозаводы в Белинском и Башмакове⁵⁷.

В рамках исследуемого периода современники отмечают смену приоритетов внутренней политики: от форсирования производственного строительства и последовательной индустриализации сельского хозяйства к решению проблем потребительского рынка, в том числе и посредством развития личных подсобных хозяйств и потребкооперации⁵⁸. Вместе с тем следует отметить воспроизводство традиционных управленческих практик, рожденных и закрепленных в недрах мобилизационной стратегии социально-экономического развития. Источники зафиксировали «привычный», «рутинный» повседневный опыт регулярных обращений в вышестоящие инстанции (СМ РСФСР и ЦК КПСС) в целях лоббирования интересов региона и получения дополнительных инвестиций, а также прямого партийного управления: «Если не выполните план, будете лично приглашены на бюро обкома партии»⁵⁹. В периоды форсированного строительства в облизполкоме еженедельно проходили оперативные совещания совместно с объединением «Пензастрой», «трестом «Жилстрой» и заинтересованными структурами, скажем, областным управлением торговли. Системным противоречием, требующим нередко ежедневной «ручной доводки» и координации действий, выступает незавершенное строительство, одномоментное возведение большого числа объектов. Еще одним фактором нараставших управленческих проблем стало вовлечение в процесс развития социальной сферы промышленных предприятий (строительство ведомственного жилья, объектов соцкультбыта), что требовало дополнительных усилий и координации действий. Сюда же отнесем и депутатские запросы, обсуждение выполнения наказов избирателей на заседаниях исполкомов, создание депутатских постов («для осуществления контроля за ходом строительства дороги»)⁶⁰.

Задача сбережения традиционного культурного кода в условиях столь резкой социокультурной трансформации требовала особого внимания к реализации политики исторической памяти. Трепетное отношение к традициям, присутствие «народной культуры» можно рассматривать и в контексте формирования системы ментальных сдержек, уравновешивавших стремительное распространение инновационных установок: «Что дала мне Пенза? Вернула на Родину. Ее я как-то ощущал далеко и неясно. Когда вернулся к родным

могилам, почувствовал, что жизнь идет бессмысленно. Пенза вернула меня в лоно русского народа»⁶¹.

В этом контексте конструирование новой региональной идентичности как самостоятельное направление активности партийно-советского руководства приобретает форму краеведческой работы. Это проявилось, в частности, в ходе подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина в 1968–1969 гг., когда в региональном центре разворачиваются ремонтно-реставрационные работы, связанные с «историко-революционными событиями и жизнью и деятельностью И. Н. Ульянова»⁶². С 5 января 1967 г. начинается масштабные реставрационные работы на территории музея-усадьбы М. Ю. Лермонтова⁶³.

Главным куратором политики памяти в регионе был Г. В. Мясников, обозначивший свои приоритеты следующим образом: «Мое устремление: 1) сделать Пензу интересным городом, пробудить у жителей настоящую любовь к городу, патриотизм. Но одними лозунгами сделать это сложно, нужна материальная основа. Надо иметь то, чем гордиться. 2) В ходе революции ни один народ не растерял традиций столько, сколько русский народ. Поэтому основная направленность «интересных» строек — это возрождение русского духа, национального достоинства русского человека»⁶⁴. В этом контексте понятен скепсис Мясникова относительно открытия «Белого аиста»⁶⁵ (фирменного магазина с широким ассортиментом молдавских вин) в противовес трактиру «Золотой петушок» и ресторану «Засека» («хорошие памятники пензенской старины») ⁶⁶. Так, «ударными объектами благоустройства» г. Пензы в 1979 г. Г. Мясников назвал «обозначение крепостного вала Пензы на ул. Кирова, установка диорамы на Тамбовской заставе, благоустройство у памятника Белинскому на той же улице, Туристическая тропа, ее этапы, сооружение “маяка погоды”, приспособление самолета Ил-18 под кафе, строительство летнего шахматного клуба, создание музея в доме Мейерхольда» и т. д.⁶⁷.

Благодаря такому уникальному балансу приоритетов в Пензенской области удалось создать условия не только для утверждения ценностей следующего технологического уклада, но и раскрепощения частной инициативы и либерализации экономики. Во многом именно этим определяются масштабы и глубина социально-психологического коллапса локального сообщества в 1990-е гг., ощутившего невосполнимую утрату завоеванных рубежей.

¹ *Бородкин Л. И.* Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 11.

² *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011.

³ *Pellicani L.* Modernity and totalitarianism // *Telos: A quarterly journal of critical thought.* 1998. No. 2. P. 3–22.

⁴ *Collier S. J.* Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton; Oxford, 2011.

⁵ Новое литературное обозрение. 2016. № 4.

⁶ *David-Fox M.* Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, PA, 2015. P. 37; *Ловелл С.* Советская модерность: новые подходы, а также и старые // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 68.

⁷ Дэвид-Фокс М. Модерность как воображаемое, модерность как инструмент: есть ли движение вперед? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 79.

⁸ Бородин Л. И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. С. 13.

⁹ Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

¹⁰ Мохов В. П.: 1) Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). Пермь, 1998; 2) Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; 3) Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь, 2003.

¹¹ Мохов В. П. Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века // Управленческое консультирование. 2005. № 1 (17). С. 97.

¹² Мохов В. П. Политическая повседневность номенклатуры как научная проблема // Повседневность номенклатуры: сб. ст. / под ред. В. П. Мохова; Н. А. Фролова. Пермь, 2013. С. 4–17.

¹³ Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). С. 75.

¹⁴ Мохов В. П. Номенклатурный иммунитет // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 44–49.

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Абрамов Г. А. Система рекрутирования политической элиты на примере коммунистической партии Советского Союза в 1950–1970 годах // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 1. С. 30. <https://doi.org/10.24158/per.2023.1.3>.

¹⁸ Алаев Л. Б. Модернизация или опора на собственные слабости? // Цивилизация. Вып. 10. М., 2015. С. 32–33.

¹⁹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-148. Оп. 2 о/к, 2а; Ф. 2308. Оп. 1.; Ф. 2038. Оп. 1; Мясников Г. Страницы из дневника (1964–1992). М., 2008; Щербаков А. «Это мой взгляд...». О друзьях и товарищах. Пенза, 2003; Лев Ермин: «Считаю себя пензяком» 2-е изд. / Сост. А. И. Марынов. Пенза, 2022.

²⁰ Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. С. 699.

²¹ Очерки истории города Заречного. Заречный, 2013. С. 261.

²² Терентьев Л. Пензенский Совнархоз. Пенза, 1957. С. 14.

²³ ГАПО. Ф. п-148. Оп. 2а. Д. 8023а. Л. 17; Ермин Лев Борисович. Некролог // Наша Пенза 2004. 12 ноября.

²⁴ ГАПО. Ф. п-148. Оп. 2а. Д. 8023а. Л. 12.

²⁵ Грачев А. Бутузов Сергей Михайлович — руководитель области в период хрущевской «оттепели» // Улица Московская. 2004. 27 августа.

²⁶ Время перемен и созидания // Лев Ермин: «Считаю себя пензяком». С. 492, 515.

²⁷ Пензенская правда. 1964. № 1. 1 января. С. 3.

²⁸ Мясников Г. Страницы из дневника (1964–1992). С. 31.

²⁹ ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 4275. Л. 206.

³⁰ Там же. Д. 5126. Л. 182.

³¹ Там же. Д. 6988. Л. 63; Время большого строительства: (воспоминания ветеранов строительного комплекса Пензенской области). Пенза, 2010.

³² ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 6988. Л. 1, 10.

³³ Время перемен и созидания (1961–1979 гг.) // Лев Ермин: «Считаю себя пензяком». С. 524–527.

³⁴ См.: ГАПО. Ф. п-148. Оп. 2о/к. Д. 61, 212, 321, 536; Оп. 2а. 8023/а, 8179, 8240, 8342, 8379, 8461, 8464, 8626, 8627, 8678, 8724 и др.; Сталинское знамя. 1946. 8 февраля; 1950. 22 февраля; 1954. 12 февраля; Пензенская правда. 1959. 8 февраля; 1966. 17 мая; 18 июля; 1967. 22 января; 1971. 26 мая; 1972. 25 ноября; 1980. 26 января; Живые памятники эпохи. Воспоминания знаменитых пензяков, записанные Леонидом Темновым. Пенза, 2001. С. 5–10, 25–31, 44–48, 60–65; Щербаков А. «Это мой взгляд...». О друзьях и товарищах. Пенза, 2003.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: ГАПО. Ф. п-148. Оп. 2 о/к. Д. 61, 212, 321, 536, 711, 799, 854, 888, 927, 1181, 1313, 1332, 1532, 1535, 1598, 1724, 1801, 1883, 2372, 2378, 2494, 2547, 2624, 2670, 2742, 2815, 2905, 2907, 2919, 3071, 3133, 3212, 3268, 3412, 3500, 3720, 3736, 3747, 3833, 3927, 3941, 3952, 3965,

3982, 4071, 4190, 4251, 4342, 4424, 4551, 4562, 4618, 4721, 4761, 4842, 4854, 5033, 5078, 5090, 5258, 5481, 5509, 5540, 5707, 5878, 5908, 5942, 6110, 6315; Оп. 2а. 6405, 6472, 6503, 6514, 6543, 6561, 6623, 6711, 6848, 6866, 6890, 6904, 6953, 7093, 7156, 7400, 7479, 7569, 7588, 7618, 7624, 7635, 7636, 7641, 7689, 7709, 7711, 7725, 7743, 7757, 7812, 7818, 7945, 7982, 8018, 8023/а, 8179, 8240, 8342, 8379, 8461, 8464, 8626, 8627, 8678, 8724.

³⁷ Там же. Д. 8023а. Л. 11.

³⁸ См.: Там же. Оп. 2 о/к. Д. 61, 212, 321, 536; Оп. 2а. 8023/а, 8179, 8240, 8342, 8379, 8461, 8464, 8626, 8627, 8678, 8724 и др.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Оп. 2 о/к. Д. 4861. Л. 50-61.

⁴² Там же. Оп. 2а. Д. 7689, 8023 а.

⁴³ *Терентьев Л.* Пензенский Совнархоз. С. 10.

⁴⁴ ГАПО. Ф. 2308. Оп. 1. Д. 82. Л. 20.

⁴⁵ *Мохов В. П.* Номенклатурный иммунитет. С. 48.

⁴⁶ Живые памятники эпохи... С. 62, 65.

⁴⁷ *Мясников Г.* Страницы из дневника (1964–1992). С. 31.

⁴⁸ Там же. С. 326.

⁴⁹ Живые памятники эпохи... С. 62.

⁵⁰ *Мясников Г.* Страницы из дневника (1964–1992). С. 355.

⁵¹ Там же. С. 594.

⁵² Там же. С. 576.

⁵³ ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 4275. Л. 66; Д. 5126. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Д. 5124. Л. 4.

⁵⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: Статистический ежегодник ЦСУ РСФСР. М., 1960. С. 35.

⁵⁶ Там же. С. 9.

⁵⁷ ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 5124. Л. 63–67, 70.

⁵⁸ *Толстоухов Ю.* «Надо научиться созидать» // Лев Ермин: «Считаю себя пензяком». С. 156.

⁵⁹ *Толстоухов Ю.* «Надо научиться созидать». С. 156.

⁶⁰ ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 6988. Л. 63.

⁶¹ *Мясников Г.* Страницы из дневника (1964–1992). С. 16.

⁶² ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 5131. Л. 1.

⁶³ Там же. Л. 3, 34.

⁶⁴ *Мясников Г.* Страницы из дневника (1964–1992). С. 159.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 318.

⁶⁷ Там же. С. 353.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2023 г.

Рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кондрашин В. В., Сухова О. А. Формирование «советской модерности» и региональная элита в 1960–1970-е гг. // *Новейшая история России.* 2023. Т. 13, № 3. С. 664–677. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.309>

Аннотация: На материалах Пензенской области рассматривается проблема формирования «советской модерности» в сознании и практиках управления региональной элиты в период 1960–1970-х гг. Авторы солидаризируются с позицией М. Дэвида-Фокса о советской модерности как другом типе индустриального общества, выраженной посредством идеологических, культурных репрезентаций

и поведенческих стратегий, утвердившихся в сознании и психологии элиты и общества в целом. Анализ рекрутинга, социального состава, ментальных установок и устремлений региональной элиты, результатов формирования идентичности региона в 1960–1970-е гг. осуществлен на источниках массового происхождения, делопроизводственной документации партийных и советских органов управления, дневниковых записей и мемуарной литературы. Хронотоп развития Пензенской области в указанный период был обусловлен более поздними сроками территориальной организации, процессов индустриализации и региональной специализации промышленного производства. Общий тренд изменений можно охарактеризовать как ситуацию беспрецедентного и безудержного, в чем-то ажиотажного производственного строительства, возведения жилья и объектов соцкультбыта. Важнейшими условиями формирования местной элиты как носителей и генераторов новых установок и ценностей рассматриваются: социально-экономическая трансформация региона, его превращение из отсталого сельскохозяйственного в один из центров военно-промышленного комплекса СССР, а также процесс массового выдвижения руководящих работников в 1950–1960-е гг. В большинстве своем это были уроженцы Пензенской области, люди 30–40 лет, выходцы из рабоче-крестьянской среды, с высшим, как правило техническим, образованием, тяжелой военной молодостью, примерно одна треть — участники Великой Отечественной войны, около половины — бывшие комсомольские работники.

Ключевые слова: Пензенская область, СССР, общество, региональная элита, региональная идентичность, поздний социализм.

Сведения об авторах: Кондрашин В. В. — д-р ист. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); гл. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия); vikont37@yandex.ru | Сухова О. А. — д-р ист. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); savtemp@yandex.ru

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

FOR CITATION

Kondrashin V. V., Sukhova O. A. 'The Formation of "Soviet Modernity" and the Regional Elite in the 1960s–1970s', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 3, 2023, pp. 664–677. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.309> (In Russian)

Abstract: Based on the materials of the Penza region, the problem of the formation of "Soviet modernity" in the consciousness and practices of political management of the regional elite during the 1960s–1970s is considered. The authors agree with M. David-Fox's position on Soviet modernity as another type of industrial society, expressed through ideological and cultural representations and behavioral strategies established in the minds and psychology of the elite and society as a whole. The analysis of recruiting, social composition, mental attitudes and aspirations of the regional elite, the results of regional identity formation in the 1960s–1970s was carried out on the basis of the sources of mass origin, documents of Party and Soviet governing bodies, diary records and memoirs. The chronotope of development of the Penza region in this period was due to the later terms of the territorial organization, the processes of industrialization and regional specialization of industrial production. The general trend of changes can be characterized as a situation of unprecedented and unrestrained, in some ways rampant industrial construction, construction of housing and social and cultural facilities. The most important conditions for the formation of the local elite as carriers and generators of new attitudes and values are considered: the socio-economic transformation of the region, its transformation from a backward agricultural to one of the centers of the military-industrial complex of the USSR; as well as the process of mass promotion of leaders in the 1950s–1960s. Most of them were natives of the Penza region, people 30–40 years old, came from the workers and peasants, with higher, usually technical, education, hard military youth, about one-third — participants in the Great Patriotic War, about half — former Komsomol leaders.

Keywords: Penza region, USSR, society, regional elite, regional identity, late Socialism.

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-18-20015 "The power and society of the Penza Region in the XIII–XXI centuries: historical aspects of territorial integration and the formation of regional identity", <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>

Authors: **Kondrashin V. V.** — Dr. Sci. in History, Professor, Penza State University (Penza, Russia); Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); vikont37@yandex.ru | **Sukhova O. A.** — Dr. Sci. in History, Professor, Penza State University (Penza, Russia); savtemp@yandex.ru

Penza State University, 40, ul. Krasnaya, Penza, 440026, Russia

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia

References:

- Abramov G. A. 'The System of Recruiting the Political Elite on the Example of the Communist Party of the Soviet Union in 1950–1970', *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 1, 2023. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.1.3>. (In Russian)
- Alaev L. B. 'Modernization or relying on their own weaknesses?' in *Civilizaciya*, iss. 10 (Moscow, 2015). (In Russian)
- Borodkin L. I. 'Concepts of modernization and modernity in the context of Russian transformations in the 19th–20th centuries', *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (57), 2017. (In Russian)
- Collier S. J. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics* (Princeton and Oxford, 2011).
- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union* (Pittsburgh, 2015).
- David-Fox M. 'Modernity as Imaginary, Modernity as Tool: Is There a Way Forward?', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (140), 2016. (Rus. Ed.)
- Essays on the history of the city of Zarechny (Zarechny, 2013). (In Russian)
- Lev Yermin: "I consider myself a Penzyak" (Penza, 2022). (In Russian)
- Living monuments of the era. Memoirs of famous Penzyaks, recorded by Leonid Temnov* (Penza, 2001). (In Russian)
- Lovell S. 'Soviet Modernity: New Questions as well as a Few old ones', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (140), 2016. (Rus. Ed.)
- Mawdsley E., White S. *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and Its Members, 1917–1991* (Moscow, 2011). (Rus. Ed.)
- Mokhov V. P. *Elitism and History: Problems of Studying Soviet Regional Elites* (Perm, 2000). (In Russian)
- Mokhov V. P. 'Nomenclatura immunity', *Vestnik VEGU*, no. 1 (63), 2013. (In Russian)
- Mokhov V. P. 'Nomenclatura as a political institution in the history of Soviet society in the second half of the 20th century', *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 1 (17), 2005. (In Russian)
- Mokhov V. P. 'Political everyday life of the nomenclatura as a scientific problem', *Povsednevnost' nomenklatury* (Perm, 2013). (In Russian)
- Mokhov V. P. *Regional political elite of Russia (1945–1991)* (Perm, 2003). (In Russian)
- Mokhov V. P. *The evolution of Russia's regional political elite (1950–1990)* (Perm, 1998). (In Russian)
- Myasnikov G. *Pages from a diary (1964–1992)* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Pellicani L. 'Modernity and totalitarianism', *Telos*, no. 2, 1998.
- Penza encyclopedia. (Penza, 2019). (In Russian)
- Shcherbakov A. "This is my opinion ...". *About friends and comrades* (Penza, 2003). (In Russian)
- Terentiev L. L. *Penza Economic Council* (Penza, 2001). (In Russian)
- The time of great construction: (memoirs of veterans of the construction complex of the Penza region) (Penza, 2010). (In Russian)
- Voslensky M. S. *Nomenclature: the ruling class of the Soviet Union* (Moscow, 1991). (In Russian)

Received: February 10, 2023

Accepted: April 15, 2023